

Оглавление

Пролог	11

СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА

1967-й: год, когда случилось землетрясение	21

ДО ЕГО ЭРЫ:

«СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА» ЕЩЕ НЕ НАПИСАНЫ

Глава 1. Сын Луисы Сантьяга и Габриэля Элихио.	25
Глава 2. В доме у бабушки с дедушкой	34
Глава 3. Побережье готовится сказать свое слово	44
Глава 4. Первые и последние в жизни друзья	52
Глава 5. Упомянутые в тексте «Ста лет одиночества»	62
Глава 6. Так зубоскал или писатель?	73
Глава 7. Еще виски	77
Глава 8. «Ла Куэва»	82
Глава 9. «Упертости, какая для этого ремесла положена, чуваку хватало»	88
Глава 10. Пижоны и деревенщины.	92
Глава 11. Лебединая шея.	97
Глава 12. SAAG: Общество друзей для оказания помощи Габито	104
Глава 13. «Священный крокодил»	114
Глава 14. Коммунистическая пресса.	119
Глава 15. «Рассказывай дальше»	124
Глава 16. Одиночество и компания	133
Глава 17. «Будто вспышкой ослепило»	139
Глава 18. Урок географии	146
Глава 19. БУ-У-УМ!	152
Глава 20. Габо как прилагательное, как существительное и как глагол	160

**В ЕГО ЭРУ:
«СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА» УЖЕ НАПИСАНЫ**

Глава 21. Богатый и знаменитый	171
Глава 22. «У нас умерли пятеро королей!»	180
Глава 23. «Тебя как звать?»	184
Глава 24. Персона нон грата	192
Глава 25. Что-то новое.	197
Глава 26. «Вот дерьмо, кажись, он помер»	202
Глава 27. «Не хочу я в одиночку в Стокгольме мыкаться»	205
Глава 28. Ex cathedra	213
Глава 29. Подпорченный товар.	221
Глава 30. Зачарованный властью.	228
Глава 31. Нокаут	242
Глава 32. Рыбий жир	248
Глава 33. Посошок	269
Эпилог. День, когда все мы проснулись постаревшими	272
О тех, чьи голоса исполняли главные партии	277

Пролог

В ноябре 2000 года журнал *Talk*, незадолго до того основанный Тиной Браун*, предложил мне подготовить устную историю** о Габриэле Гарсиа Маркесе. Они хотели материал на две тысячи слов — примерно на три-четыре страницы вместе с фотографиями. То есть нечто очень короткое. А это, определенно, не его биография.

Поручить данную работу именно мне в журнале решили потому, что я, хотя и проживаю в Нью-Йорке с 1986 года, родилась в Барранкилье, и значит, волей судьбы происхожу из мест, соседствующих с вымышленным миром Макондо. К тому же в зимнем выпуске журнала *Paris Review* за 1996 год я опубликовала подробный документальный репортаж «Три дня с Габо» о курсах журналистики, которые Гарсиа Маркес открыл в Картахене*** и на которых я училась.

Я предложила редакции не брать интервью у глав государств, кинозвезд и богачей, в кругу которых он каждодневно вращался, а отправить меня в Колумбию, где я могла бы потолковать с людьми, знававшими Гарсиа Маркеса во времена, когда он еще не был легендарным писателем Латинской Америки. Я даже пообещала поговорить с персонажами «Ста лет одиночества», имея в виду нескольких человек, которых Гарсиа Маркес вывел в романе и обессмертил как «непревзойденных зубоскалов из Ла Куэвы»**** и «первых и последних в его жизни друзей»*****. После этого редакция немедленно прислала мне авиабилет,

* Тина Браун — журналист, редактор (в разное время возглавляла издания *Vanity Fair*, *New Yorker*, является руководителем *Daily Beast* и *Newsweek*). *Прим. ред.*

** Устная история — научный исторический жанр, а также метод исторического исследования, под которым подразумеваются записанные на цифровые носители воспоминания людей о своей или чьей-то жизни, о событиях прошлого, свидетельствами которых они были. *Прим. ред.*

*** Здесь и далее речь идет о городе Картахена, расположенном в Колумбии, на берегу Карибского моря (другое название — Картахена-де-Индиас). Его не следует путать с испанской Картахеной. *Прим. ред.*

**** Г. Г. Маркес, рассказ «Похороны Великой Мамы» (*Los Funerales De La Mama Grande*, 1961 год). *Прим. пер.*

***** Г. Г. Маркес «Сто лет одиночества» (*Cien años de soledad*, 1967 год). *Прим. пер.*

и меня немало позабавил украшавший его глянцевую обложку Микки-Маус — журнал Talk финансировала компания Disney.

— А после Колумбии мне надо съездить в Мексику, — рискнула я заявить редактору. — Ведь там он и написал роман.

— Все что пожелаешь.

Материал так и не увидел свет. Talk закрылся — подвела концепция: надежды скрестить шоу-бизнес с журналистикой и литературой не увенчались сколько-нибудь заметным успехом. «Какой еще журнал помещает на обложке обнаженный торс Хью Гранта и при этом отводит шесть полос под серьезный раздел о книгах? — в сердцах вопрошала меня редактор, поручившая мне тот материал. — Только Тина могла додуматься до подобного — заказать устную историю о жизни Габриэля Гарсиа Маркеса».

Однако благодаря этому дерзкому замыслу у меня набрались двадцать четыре магнитофонные пленки по девяносто минут каждая, где самые разные люди рассуждают о Маркесе. Из этих долгих разговоров я выкроила и напечатала несколько очерков. В 2002 году вышла книга его мемуаров на испанском языке «Жить, чтобы рассказывать о жизни», и журнал *El Malpensante* поместил более колумбийский по духу и более обширный вариант материала, подготовленного мной для Talk. Еще одну версию статьи я опубликовала в юбилейном номере *Paris Review* по случаю его пятидесятилетия, а позже, весной 2003 года, этот текст на испанском напечатал мексиканский журнал *Nexos*. Прошло почти десять лет до момента, как в марте 2010 года я решила вернуться к тем давним пленкам с намерением сделать из них книгу.

Но, прослушав их, я поняла: на книгу материала не набирается. Требовалось заполнить очевидные пробелы. И потому я приступила ко второму раунду интервьюирования тех, кто, как мне представлялось, сумеет дополнить фон и уточнить хронологию событий, намеченных первыми рассказчиками.

Эта книга разделена на две части. В первой — «До его эры: „Сто лет одиночества“ еще не написаны» — о Маркесе рассказывают его братья и сестры, а также приятели тех времен, в которые он еще не был всеми почитаемой иконой Латинской Америки. Тогда он еще не обзавелся ни приличным английским портным, ни английским биографом — я сама слышала, как он называет это двумя верными признаками писательского успеха, — и не пожимал руки президентам и мультимиллионерам (как это было в тот вечер, когда я увидела его торжественно перерезающим небесно-голубую атласную ленточку на открытии музея искусств «Соумайя», подаренного родному Мехико миллиардером

Карлосом Слимом; именно та сцена напомнила мне о пленках, записанных мной во время работы над материалом для журнала Talk). В этой части собраны голоса из малопримечательного, но полного надежд периода, когда мальчишка из глухой провинции решил стать писателем. И голоса свидетелей рассказывают, как он добился этого. Нам открывается картина становления творческого гения, перед которым преклоняется весь мир.

Во второй части — я назвала ее «В его эру: „Сто лет одиночества“ уже написаны» — перед нами предстает удостоенный наград прославленный писатель и знаменитость Гарсиа Маркес.

О нем написаны целые горы книг, очерков и исследований, но над каждым из этих текстов неизбежно тяготеет и авторская манера повествования, и цензура, которой подверглись его мемуары, и пристальный анализирующий взгляд биографа. Тогда как устная история — так официально называется жанр этой книги — позволяет высказаться людям, близко знавшим героя, дает им возможность своими словами описать, каким он был человеком и как сумел стать самым значительным писателем Латинской Америки, отчего так пленялся могуществом власти и всю жизнь столь безоглядно заступался за Фиделя Кастро. Благодаря этому чудесному жанру мы узнаем о том, как они привечали его, как помогали ему, как на их глазах он делал сам себя; ощутим, как искренне они любили его или как сильно он их раздражал; все это мы услышим из первых уст, минуя посредничество других рассказчиков и чужих впечатлений.

Посему эта книга послужит нам пропуском на пир, где все гомонят, болтают, орут, где каждый высказывает свое мнение, а порой и откровенно лжет. В этом — квинтэссенция устной истории, такой же, как книга «Эди: американская девчонка», созданная Джин Стайн и Джорджем Плимптоном (о музе Энди Уорхола актрисе Эди Седжвик), и биография Трумена Капоте (тоже плимптоновская), названная «Трумен Капоте: книга, в которой различные друзья, враги, знакомые и клеветники рассказывают о его бурной карьере». Этот формат, ниспосланный мне небесами в виде телефонного повеления Тины Браун, несказанно прекрасен, ибо при всей своей занимательности и легкости глубоко правдив.

Однако призываю вас иметь в виду, что каждое слово, каждый слог в приведенных здесь диалогах отражает личное мнение говорящего. Читать все это столь же забавно, как, явившись на праздник и развесив уши, прислушиваться к разговорам гостей, обсуждающих Гарсиа Маркеса, — тем более что на всяком праздничном сборище находятся словоохотливые персонажи. Среди них — и горлопаны, и искусственные

аналитики, и зубоскалы, и нытики, и пошляки, и даже те, кто слишком много принял на грудь. На этом празднестве мы разделим компанию с теми, кто помогал Гарсиа Маркесу оставаться в уединении, столь необходимом ему для работы над романом «Сто лет одиночества».

Обратите внимание: с самим Гарсиа Маркесом при подготовке книги я не общалась. Собственно, этого требует жанр: устная история пишется со слов других людей. Предполагается, что ты беседеешь с ними о герое в его отсутствие и — это еще важнее — записываешь беседы на пленку. Приступая к работе над книгой, я разложила папки в хронологическом порядке и начала слушать эти беседы-интервью более чем десятилетней давности. В наушниках слышался мой собственный смех, но одновременно у меня возникали новые вопросы. Так, я хихикала над разглагольствованиями жителей моей родной Барранкильи, но вместе с тем понимала: за пределами Колумбии никто не поймет, что означает привычное нам, барранкильянцам, выражение «пичкать петушей титькой». Я осознавала, что должна не только растолковать читателю наше барранкильянское аргю, но и как-то донести до него, что со мной говорят люди преклонных лет. Память местами подводит их, и они, не в силах припомнить что-то существенное, мямлят и запинаются. А поскольку я не собиралась освежать их воспоминаний, то сохранила эту слабость в их голосах.

Музыка, а в особенности вальенато* — нечто наподобие кантри-блюза, исполняемого под аккордеон, — занимала важное место во время того первого круга моих бесед с героями этой книги. Мои собеседники не раз и не два принимались петь, подавшись порыву, и потому на страницах я тоже позволяю им вволю попеть. Я привожу здесь и чисто мачистскую логику в словах судьи, с которым в свое время советовался Гарсиа Маркес, желая из первых уст узнать, что и как происходило в то роковое воскресенье, когда еще совсем молодой судья стал свидетелем трагедии, известной сегодня миру по повести 1981 года «Хроника объявленной смерти». Пришлось также добавить множество пояснений о Барранкилье, ибо это не только благодатная почва, на которой произрастает так называемый магический реализм, но и место,

* Вальенато (vallenato) — жанр народной музыки северной Колумбии. Исполняемые под непрерывный аккордеон, близкие по стилю балладам трубадуров, вальенатос рассказывают о тяжелой доле, о дружбе и любовных историях людей из Валле-де-Упар (долины Упар), расположенной на северо-востоке Колумбии. Гарсиа Маркес, неизменный любитель и пропагандист этого жанра, недаром сказал, что «Сто лет одиночества» — это вальенато в 360 страниц. *(Здесь и далее, если не указано иное, пояснение в сноске принадлежит автору.)*

где Гарсиа Маркес повстречал первых и последних в его жизни друзей — ученого каталонца, Альфонсо, Альваро, Хермана и других «спорщиков», появляющихся в последней главе «Ста лет одиночества». Когда я приехала в Барранкилью со своим магнитофоном, многие из этих людей уже ушли в мир иной, однако мне посчастливилось отыскать двоих еще живых, и они рассказали мне, какими были верные друзья Гарсиа Маркеса, когда взяли его под свое крыло. Эта книга — моя ода дружбе, дань признания его друзьям, ведь именно в Барранкилье он пережил лучшие свои времена.

В поисках других рассказов о дружбе я задумала связаться с Марией Луисой Элио и Хоми Гарсиа Аскотом. Это им Гарсиа Маркес посвятил «Сто лет одиночества». И представьте себе: ни один из записных габоведов и габолюбов Колумбии, назубок знавших все дела и проделки выведенных в романе «спорщиков», не смог мне поведать ничего внятного об этих двоих, хотя они явно играли немаловажную роль в жизни автора. За исключением того факта, что проживали они в Мехико.

Я прилетела в Мехико по еще одному билету от Disney, зарегистрировалась в отеле «Каса Дуранго» и приступила к поискам. Карлос Монсивайс* сообщил мне, что Мария Луиса и Хоми — муж и жена, испанцы; Хоми уже нет в живых, и я получила телефонный номер вдовы, сеньоры Марии. На следующий день меня принимала в библиотеке своего дома, расположенного в южной части Мехико, очень привлекательная элегантная дама в идеально подходившем к цвету ее глаз серо-голубом брючном костюме и таком же шарфе. Она делилась воспоминаниями с тем же щедрым великодушием, с каким часами выслушивала Габриэля Гарсиа Маркеса — на тот момент просто друга ее друга, случайного соседа за столом на банкете. В исчерпывающих подробностях новый знакомый излагал ей сюжетную канву задуманной книги. Впоследствии сюжет воплотился в романе «Сто лет одиночества», и первое издание он посвятил ей, Марии Луисе. Я уверена: она многократно повторяла эту историю на других званых обедах, однако, когда я в тот день включила свой магнитофон, Мария Луиса Элио заметила, что ее воспоминания о том эпизоде впервые обставлены как настоящее интервью и записываются на пленку.

В книге звучат также голоса людей, которые не слишком близко знали Гарсиа Маркеса или вообще не были с ним знакомы. Однако их комментарии относительно важных событий в истории Колумбии,

* Карлос Монсивайс Асевес (1938–2010) — мексиканский писатель-эссеист, сценарист, литературный и художественный критик, один из виднейших латиноамериканских интеллектуалов эпохи. *Прим. пер.*

оказавшихся знаковыми и в жизни писателя (например, убийство видного политика Хорхе Эльесера Гайтана* 9 апреля 1948 года, положившее начало кровавому десятилетию гражданской войны, известной как Ла Виоленсия), совершенно необходимы, поскольку открывают путь к пониманию личной истории Гарсиа Маркеса и его книг. Неро Лопес, официальный фотограф колумбийской делегации, приехавшей в Стокгольм на вручение Гарсиа Маркесу Нобелевской премии, рискнул в 1997 году, в восемьдесят лет, переехать в Нью-Йорк, чтобы «открыть для себя новые горизонты»; я не преминула извлечь пользу из этого его восхитительно отважного шага и уговорила поделиться со мной воспоминаниями о тех днях, когда Гарсиа Маркес был для него не более чем коллегой, а Колумбия истекала кровью в гражданской войне. Его яркие воспоминания оживили повествование.

На страницах книги Гарсиа Маркес предстает свободным от самоцензуры, каковая присутствует в его мемуарах «Жить, чтобы рассказывать о жизни», над ним не тяготеем семь с лишним сотен страниц его биографий, превосходно написанных Дассо Сальдиваром и Джеральдом Мартином. Это богатый и исключительный исторический документ, хранящий коллективную память о его жизни, размышления о том, каких трудов это стоит — быть писателем, и о том, какими тропами он, подобно Рильке, приходит к необходимости заключить пакт с одиночеством. Перед вами книга, которая наглядно показывает, насколько дружба и обстоятельства, а превыше всего — внутренняя дисциплина и самоотверженность важны для достижения триумфа.

Его близкий друг, аргентинский писатель Томас Элой Мартинес, признался мне, что стать другом Габо можно было, только беспрекословно соблюдая *омерту* — обет взаимного укрывательства, эдакий «кодекс чести», какой существовал у мафии. «Нельзя было никогда и ничего писать о нем», — сказал он как-то, когда мы сидели в его патио в Нью-Джерси. Сам Гарсиа Маркес рассказывал эпизод, как однажды в Париже, будучи еще молодым и очень нуждающимся, он увидел в парке Эрнеста Хемингуэя. Вместо того чтобы подойти и заговорить с ним, он решил выкрикнуть его имя с другой стороны маленькой площади и в знак великого уважения поднять руку. Мне понятна овладевшая им

* Хорхе Эльесер Гайтан (1903–1948) — колумбийский политический и государственный деятель, приверженец левых идей, пользовался широкой поддержкой среди беднейшего населения. В 1947 году в ходе конфликта с Колумбийской консервативной партией выдвигался на пост президента, но был застрелен. Остается в народной памяти как либеральный мученик. *Прим. пер.*

робость, потому что при всем соблазне очень тяжело решиться и вот так запросто заговорить со знаменитостью.

Эту книгу я писала с тем же чувством робости, стараясь соблюдать почтительную дистанцию. Я создавала портрет человека, ставшего легендой. Убеждена: все мы представляем собой нечто большее, нечто более значимое, более вечное и даже более священное, чем мифы, вымыслы. Гарсиа Маркес остается великим, даже если мы не верим в утешительные сказочки о том, что он был чужд ошибок, недостатков, поражений, безрассудств, любовных страстей и вражды.

Если вы желаете получить истинное наслаждение от этой книги, то отложите на время убеждение в том, будто бы все в жизни имеет одно-единственное правдивое толкование. Следуя закону жанра, устная история сталкивает правду одного человека с правдой другого и даже противопоставляет их. В этом, в частности, и заключено ее очарование. С такой мыслью в голове и стаканчиком виски со льдом в руке или бокалом шампанского (каковому, как мне говорили, сам Габо отдавал предпочтение) ступайте на этот праздник. Если жаждете всей полноты впечатлений, подойдите к книжному шкафу и достаньте свой экземпляр «Ста лет одиночества», а за неимением такового — прогуляйтесь до ближайшего книжного магазина и купите. Прочтите его снова или в первый раз — теперь, когда узнали обо всех любопытных фактах и несообразностях, тайных пружинах и страстях в подоплке этого романа, названного «пожалуй, самым филигранным и самым знаменитым произведением — классикой мировой литературы на все времена». Две его последние главы доставят вам особенное наслаждение, ведь вы увидите и поймете, как лукаво автор подмигивает своим друзьям. Надеюсь, вы будете громко смеяться, читая, например, такой пассаж: «Между тем Альваро взрывами своего хохота пугал кайманов, Альфонсо сочинял кровавую историю про то, как выпы на прошлой неделе выклевали глаза четверым клиентам, которые нехорошо себя вели, а Габриэль пребывал в комнате задумчивой мулатки, которая взимала плату за любовь не деньгами, а письмами для своего жениха-контрабандиста, отбывавшего срок в тюрьме по ту сторону Ориноко, потому что пограничники напоили его слабительным и посадили на горшок, и потом в горшке оказалось полно бриллиантов»*. И поймете, почему он всегда возражал тем, кто говорил о его безграничном воображении, и неизменно произносил одну простую фразу — о том, что все в его выдумках основывается на фактах.

* Пер. с исп. В. С. Столбова, Н. Я. Бутыриной.

Глава 1

Сын Луисы Сантьяга и Габриэля Элихио

*Рассказ о том, как сын телеграфиста
из Аракатаки еще с колыбели
начинает собирать истории*

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Габо родился не в 1928 году, а в 1927-м. Он специально называет двадцать восьмой, чтобы дата его рождения совпала с годом, когда произошла бойня на банановых плантациях*. Коли уж на то пошло, так в 1928 году появился его брат.

ЛУИС ЭНРИКЕ ГАРСИА МАРКЕС. Вплоть до 1955 года я и сам искренне верил в то, что пришел в этот мир 8 сентября 1928 года после девятимесячной беременности моей матери. Но так случилось, что как раз в 1955 году Габито написал «Рассказ не утонувшего в открытом море» для газеты «Эль Эспектадор», и у него возникли неприятности с правительством генерала Рохаса Пинильи. Ему даже пришлось покинуть страну, для чего потребовался удостоверяющий документ, а в этом документе, уж не знаю почему, указывалось, что Габито рожден 6 марта 1928 года — то есть в один год со мной; из-за этого я попал в дурацкое положение: получалось, что либо я появился на свет недоношенным, шестимесячным младенцем, хотя по записям мой вес при рождении

* 5–6 декабря 1928 года в городке Сьенага близ Санта-Марты (а также поблизости от Аракатаки, где родился Гарсиа Маркес) правительственные войска расстреляли бастующих рабочих с банановых плантаций компании «Юнайтед фрут», протестовавших против рабских условий труда. Событие, вошедшее в историю как Банановая бойня, разрослось в сознании Гарсиа Маркеса до огромных размеров и приобрело такую значимость, что он даже намеренно изменил год своего рождения, чтобы он совпал с годом этой трагедии. Ее он описывает и в романе «Сто лет одиночества», указывая, что военные расстреляли три тысячи рабочих. Дальше случился перевертыш в духе «магического реализма»: именно это число жертв закрепилось в анналах колумбийской истории.

ДО ЕГО ЭРЫ: «СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА» ЕЩЕ НЕ НАПИСАНЫ

составлял десять фунтов и две унции*, либо мы вроде как близнецы. Он так никогда и не исправил дату своего рождения, однако это именно я родился в Аракатаке, в департаменте Магдалена, в 1928 году. А Габито — 6 марта 1927 года.

РАМОН ИЛЬЯН БАККА. Матушка Габо, Луиса, происходила из достойной семьи. Они были из тех, кого можно причислить к уважаемым людям. А кого по тем временам считали уважаемыми? Тех, кто пользовался почетом у провинциального высшего класса — мы говорим о высшем обществе Санта-Марты. В Боготé же о нем так отзываются: «Это вы по меркам вашей тьерра кальенте** приличные люди». Луиса посещала школу Введения во храм Пресвятой Девы Марии в Санта-Марте — а это была средняя школа для высшего класса. Но они были просто уважаемыми людьми. Проще говоря, их на одни званые вечера приглашали, а на другие — нет. Все зависело от того, по какому случаю устраивался прием. А вот сеньора Гарсиа, его отца, думается мне, к уважаемым людям и не причисляли.

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Отец Гарсиа Маркеса — Габриэль Элихио Гарсиа. Моя мать приходится ему двоюродной сестрой. И она немножко рассказывала мне о семейных делах. Сам я большой поклонник Гарсиа Маркеса. Все его книги прочитал. Конечно, я родился в Синсе — родном городе отца этого господина. Нужно говорить «Синсé», предпоследняя буква пишется как «с», и ударение падает на «е». Вообще-то город называется Сан-Луис-де-Синсé. Но в обиходе — просто Синсе.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Луиса Сантьяга, мать Габито, была белой леди, маленького росточка, с бородавкой вот здесь. Белая. Одного возраста с моей матерью. Моя мама в 1904 году родилась, и Луиса тогда же. Ей, почитай, уже девяносто шесть лет. Все позабыла, ничего не помнит.

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Карлос Пареха тоже был из Синсе и приходился отцу Габито родней. Надо сказать, у Карлоса имелись большие связи. Он помог отцу Габо пристроиться изучать медицину, да только у того вскоре кончились деньги, положение его стало хуже некуда,

* Около 4,6 кг. *Прим. пер.*

** Тьерра кальенте (исп. tierra caliente — жаркая земля) — регион, расположенный в нижнем высотном лесном поясе с жарким влажным климатом. *Прим. пер.*

и ему (то есть отцу Габо) так и сказали: «Хватит тебе балбесничать, давай уже, возьмишься за ум. Работу себе найди». Вот он и нашел место телеграфиста в Аракатаке. Переехал туда и тут же влюбился в Луису Сантьяга Маркес, дочку полковника Маркеса. Безмятежная она была такая, спокойная, эта Луиса Сантьяга Маркес, матушка его. И с моей матерью очень крепко дружила.

ХАЙМЕ ГАРСИА МАРКЕС. Как рассказывают, Габриэль Элихио Гарсиа, мой отец, приехал в Аракатаку служить на телеграфе, увидел однажды Луису, мою маму, и она ему сразу приглянулась. В один из дней он подошел к ней и сказал: «Хорошенько изучив всех женщин, встреченных в Аракатаке, я заключаю, что ты — именно та, которая подходит мне больше всего, — да, он так и выразился: „подходит мне“. — Хочу на тебе жениться, обдумай мое предложение; а если решишь отказать, просто скажи, и дело с концом, потому что я не так чтобы до смерти в тебя влюбился». Думаю, на самом деле он помирал от страха, боялся, что она его отвергнет, вот и старался этой глупой бравадой защитить свое достоинство. Мне это понятно, ведь мы все из одного теста: очень влюбчивы и нежны с нашими женщинами.

РАМОН ИЛЬЯН БАККА. Полковник, отец Луисы (да и не только он), не желал видеть рядом с ней Габриэля Элихио. По положению в обществе тот стоял ниже ее, а подобные вещи — вроде положения в обществе — сильно заботили тогда людей в маленьких городишках, где все всех знали и тесно общались.

ЛУИС ЭНРИКЕ ГАРСИА МАРКЕС. Жизнь их с самого начала была кочевой. Поженились они в Санта-Марте, на медовый месяц отправились в Риоачу, где обосновались на какое-то время; вернулись в Аракатаку перед рождением Габито, а потом, когда мне было месяца четыре от роду, всем семейством перебрались в Барранкилью; эти переезды туда-сюда произошли всего-то за два с половиной года, с июня 1926-го, с момента женитьбы, до января 1929-го, в котором мы поселились в Барранкилье. Габито же, как вы знаете, оставался в Аракатаке с нашими бабушкой и дедом.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Его вырастили бабушка с дедом по материнской линии. Они звали его не Габриэлито, а Габито, и вслед за ними все стали называть его так же. И я звал его Габито. Не Габо.

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Помимо прочего, полковник Маркес был либералом и участвовал в Тысячедневной войне*. А этот ухарь из Синсе [Габриэль Элихио] — гот**. «Хватит мне голову морочить, не желаю иметь ничего общего с этим сукиным сыном готом. Отправим нашу девочку в другой город». И тогда Габриэль Элихио — зря, что ли, он телеграфистом подвизался? — стал посылать ей весточки по телеграфным проводам, а потом уже они поженились, не могли больше прятаться.

ПАТРИСИЯ КАСТАНЬО. В 1926-м, когда наш сеньор Гарсиа прибыл в Аракатаку, чтобы работать оператором на телеграфе, они [семейство Луисы Сантьяга] не приняли его и решили отправить ее в это путешествие в надежде, что сей господин забудет ее; они же планировали представить ее остальному семейству, которое оставалось в Барранкасе, где она могла бы завести новые знакомства. Выехав из Аракатаки, они направились к Вальедупару, чтобы обогнуть Сьерру***. Проехали через Вальедупар, потом через Патильяль и так двигались дальше, пока не попали в Барранкас. Транкилина [бабушка Габо] тогда впервые возвращалась в те места. Очень далекое путешествие. Кажется, что от Аракатаки до Барранкаса рукой подать, а на поверку — ехать и ехать, даром они два или даже три месяца добирались. Дорог-то тогда не было, мы же

* Тысячедневной войной назван гражданский вооруженный конфликт, длившийся тысячу дней, с 1899 по 1902 год. В Колумбии существовали две ведущие политические партии: Консервативная, близкая по духу феодальным взглядам латифунистов и духовенства, и Либеральная, выражавшая интересы крепнувшего класса крупных торговцев, выступавших за реформы и отделение религии от государства. Конфликт начался, когда либералы обвинили правящую Консервативную партию в подтасовках на выборах. Вплоть до самого недавнего времени в Колумбии существовала настолько глубокая пропасть между либералами и консерваторами, что даже браки между приверженцами враждующих лагерей считались делом совершенно немислимых. Все знали, к какому лагерю принадлежит та или иная семья. Гарсиа Маркес вырос в либеральной семье. Его дед Николас Маркес участвовал в Тысячедневной войне. Сам Гарсиа Маркес говорил, что его персонажи-либералы, в том числе Аурелиано Буэндия, сын основателя Макондо, списаны им с его обожаемого деда.

Герой повести «Полковнику никто не пишет» — тоже ветеран Тысячедневной войны, отставник, тщетно ожидающий, когда в столице ему назначат военную пенсию; он лично присутствовал при подписании Неерландского договора, который положил конец кровопролитной войне.

** «...готами либералы называли консерваторов» (Маркес Г. Г. Сто лет одиночества). *Прим. пер.*

*** Речь о Сьерра-Невада-де-Санта-Марта, обособленном горном массиве на севере Колумбии, выходящем на побережье Прикарибской низменности. *Прим. пер.*

говорим о 1926-м или 1927 годе. Они приехали на мулах по кавалерийским тропам, окаймлявшим Сьерру, и остались в Барранкасе. А те двое связь между собой поддерживали через телеграфистов, это Габриэль Элихио устроил. Я, например, слышала, что она прятала его телеграммы в кухонной плите под топкой. Кому пришлось бы в голову искать письма в таком месте? В те времена в плитах под топкой помещалось нечто вроде металлического поддона — вот туда она письма и складывала. Его весточки передавались от одной телеграфной станции к другой. В те времена телеграф назывался Маркони. И она знала, что в телеграфной конторе ее ждало послание от него на желтой телеграфной ленте.

Мы ездили в Барранкас с Джеральдом Мартином, английским биографом, и несколькими братьями Гарсиа Маркеса. Они водили нас по местам, где река образует заводи и куда они выбирались на пикники; и, кстати, в письмах Луисы тоже имеются упоминания о прогулке на реку. Наше путешествие было восхитительным. А самое поразительное — эти плиты с топками до сих пор существуют. Сохранились еще в некоторых домах, задвинутые в дальние углы. И находятся те, кто готовит на таких плитах или просто держит их в доме.

АИДА ГАРСИА МАРКЕС. Появление Габито объединило семью. Он родился как раз тогда, когда отец вернулся из Риоачи в Аракатаку, и благодаря этому Габриэлю Элихио оказали теплый прием; все уладилось, тем более что мои бабушка с дедом стали крестными на крестинах, и они подружились. Дедушка Николас начал называть отца «мой дружище Габриэль Элихио». А потом так получилось, что внук остался жить у них. Позже родился Луис Энрике, и родители перебрались в Барранкилью, где появилась Марго, которая вечно хворала, потому что ела землю (как Ребека в романе «Сто лет одиночества»). Бабуля съездила в Барранкилью навестить их и решила, что Марго недокормленная; она сказала моей маме, чтобы та позволила ей забрать Марго к ним, мол, она будет давать ей железо и выхаживать ее, так что Марго тоже поселилась у бабушки с дедушкой. Папа в Барранкилье держал аптеку, и дела у него шли в гору, а мама моталась между Аракатакой и Барранкилей, чтобы навещать своих родителей и видеться с Габито и Марго.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Габриэль Гарсиа Маркес был смуглый, как индеец, но не как чернокожий. Обладал богатейшим воображением. Оно Габито по наследству передалось, этим он отцу своему обязан. Тот был очень интересным человеком. Гораздым на выдумку.

ДО ЕГО ЭРЫ: «СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА» ЕЩЕ НЕ НАПИСАНЫ

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Его отец — наполовину врач. В нашей семье всегда были не только фармацевты, но и знахари, лечившие травами, да и ведьмы-знахарки встречались. В роду со стороны Патернина был один человек, который, как говорили, изготавливал особенные помады, а потом... «Ах, что за чудодейственная помада, от любого яда помогает», — он размазывал эту свою помаду по руке и давал змее уку- сить себя. У змеи, само собой, никакого яда не было, но он показывал эту свою пантомиму на площадях при большом скоплении публики. Где-то в окрестностях Синсе он жил. Габито использует этого малого в своих историях*.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Кстати, его отец, как и я, был консерватором.

РАФАЭЛЬ УЛЬОА. Немногие знают, что его отец фактически и не был настоящим Гарсиа — он, в общем-то, Мартинес. Им следовало именоваться Мартинесами, а не Гарсиа. И он должен бы зваться Габриэль Мартинес Маркес, а не Габриэль Гарсиа Маркес. Вам же известно, как прежде обстояли дела в маленьких городишках — там много детишек рождались вне брака; отец Габо тоже был незаконнорожденным, потому и взял себе имя матери — Гарсиа. Его мать Архемира Гарсиа приходилась дочерью сеньору Гарсиа, прибывшему в Синсе с Лосаной Патернина. А эта Лосана Патернина — сестра моего деда, отца моей матери. Оттуда-то я и знаю Габито. Когда ему присудили Нобелевскую премию, все это выплыло наружу. Но они пресекали сплетни на корню, потому что... Нечего дурака валять, это же величайший писатель! Кто теперь скажет, что он незаконнорожденный отпрыск?

ХАЙМЕ ГАРСИА МАРКЕС. Работа оператором на телеграфе — лишь эпизод в жизни отца, и временами мне даже казалось, что на самом деле ничего такого не было и все это лишь выдумки Габито. Отец был личностью разносторонней, декламировал стихи, умел играть на скрипке.

МАРГАРИТА ДЕ ЛА ВЕГА. Когда я познакомилась с его отцом, тот имел обыкновение сидеть в компании других мужчин — теперь здесь, в Картахене, это уже не принято, знаете, туризм и все такое — на площади Боливара, это та, что снаружи перед Дворцом инквизиции и муниципалитетом. Теперь на ней по полудням устраивают представления — исполняют народные танцы. Местные собирались там и болтали,

* Например, в рассказе «Блакаман добрый, продавец чудес» (1968). *Прим. пер.*

особенно ближе к вечеру, в сумерках. Мой отец с ними никогда особо не рассиживался, ему было некогда, он вел беседы в другое время — он работал врачом, и его кабинет располагался неподалеку. А вот дядя — вечный бездельник и расточитель, — тот постоянно там околачивался.

На той площади частенько сживал и великий поэт Луис Карлос Лопес* — Одноглазый Лопес, как его еще называли, — и рассказывал разные истории. Тогда такое времяпрепровождение считалось богемным — сидеть на площади и, развесив уши, слушать чьи-то байки, потягивая ром. Отец Гарсиа Маркеса тоже обожал рассказывать истории и потому бывал там.

Он успел пожить во множестве мест и потерпеть много неудач. А сколько профессий он перепробовал! Одно время работал телеграфистом. Иначе говоря, он и есть тот самый герой романа «Любовь во время чумы», который приезжает в город работать на телеграфе и влюбляется в мать Габо, между прочим, дочку самого уважаемого в городе человека. Это мы сейчас уже не о Картахене ведем речь, а об Аракатаке. В его роду — выдающиеся имена. Полковник Маркес. Маркес Игуаран считались семейством с определенными традициями. Игуараны происходят из Гуахиры, а Маркесы — из Санта-Марты и из Фундасьона, к тому же она — самая прелестная девушка во всем городе. Очень хорошенькая, прямо красотка. Познакомившись с ней, я с первого взгляда поняла, несмотря на ее преклонный возраст, насколько хороша она была в молодости. А он — так себе, простоватый. Даже в старости не представлял внешне ничего особенного. Он учился какое-то время на удаленных курсах по фармакологии, работал фармацевтом. А потом стал практикующим гомеопатом.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. Он умер в Картахене, когда скупал чеки на чужие жалованья. Учителям никогда не платили. И то, что им были должны за работу — их жалованье, — скупали другие люди по дешевке. С этого и жили.

ХОСЕ АНТониО ПАТЕРНОСТРО. Допустим, кому-то полагалось жалованье в сотню, скупщик жалованья подходил к нему и говорил: «Давай я заплачу тебе восемьдесят прямо сейчас? Скажешь в своей

* Луис Карлос Лопес (1883–1950) — колумбийский поэт, мастер сатиры. Обличал деспотизм властей, засилье церкви и другие социальные пороки; образными средствами рисовал портреты эксплуататоров, противопоставляя им простых людей.
Прим. пер.

компании, чтобы твою сотню выплатила мне. А я заработаю на разнице». Такова была механика сделок. Называлось это скупкой чеков на жалованье. Само жалованье от компании надеялся получить скупщик.

Происходило это в парке или на городской площади. Мужчины вечно нуждались в деньгах, вот и находили какого-нибудь типа, который скажет: «Я тебе отсыплю денег, но давай отойдем вот туда». В Картахене такой торг велся на площади Боливара, с внешней стороны, где Дворец инквизиции и муниципалитет. Эти типы выкупали чьи-нибудь зарплатные чеки, потом шли в контору к кассиру госучреждения и говорили: «Таким-то не платите. Смотрите, они переписали свой чек на жалованье на меня, мне его и выдайте». Причем это было совершенно законное дело. Приведу в пример Марко Фиделя Суареса, он занимал пост президента Колумбии. Марко Фидель Суарес — из бедных слоев, сын прачки; отцом же его, как поговаривают, был генерал Обандо*. Когда Суарес избрался в президенты, его мать тяжело заболела. Так он два-три месяца не получал свою президентскую зарплату, договорившись с местным ростовщиком, тогда подвизавшимся в Боготе и ссужавшим президента деньгами. Тот ростовщик велел казначею Управления делами президента Республики, чтобы он эти месяцы выплачивал зарплату не президенту, а такому-то и такому-то.

Суареса погнало из президентов — тогдашние политики посчитали, что президенту не пристало продавать свои зарплатные чеки.

КАРМЕЛО МАРТИНЕС. С давних пор это повелось. Так оно и есть, уж поверь, миленькая.

РАМОН ИЛЬЯН БАККА. Осмелюсь заметить, что за этими байками о Брюсселе и Гарсиа Маркесе нет ничего, кроме слухов, потому что они не из тех семейств, чтобы разъезжать по Брюсселям. У него ни денег не было, ни земли. Это в «Сто лет одиночества» один из Буэндия под конец отправляется в Брюссель, верно? Да, такая мода тогда была — уезжать на учебу в Брюссель. Но он об этом разве что на стороне слышать мог, а никак не в своей семье. Вот мои тетки — да, десять лет в Брюсселе прожили, а до того их посылали в Антверпен.

* Хосе Мария Рамон Обандо-дель-Кампо (1795–1861) — южноамериканский военный и политический деятель. В его богатой карьере бывало много взлетов и падений, он воевал сначала против Боливара, потом — на его стороне, поднимал восстания, в 1853 году был избран президентом Колумбии и принял весьма прогрессивную по тем временам Конституцию. В 1854 году отстранен от власти, в 1860 году осужден и позже казнен. *Прим. пер.*

Транкилина иногда оставалась переночевать в доме у моих теток — здоровенный такой родовой дом, из хлебосольных, где усадят за стол и накормят всякого, кто бы ни зашел. Огромные столы, всегда накрытые, готовые принять кого-то из знакомых; те из Аракатаки или Гуакамайи часто наезжали — кто ферму держал в тех краях, а кто родней управляющему приходился, ну или что-нибудь вроде того. Обычно прибывали утренним поездом, чтобы за день со всеми делами разделаться, а на следующий вернуться поездом домой. До вечера обернуться не получалось, вот и оставались переночевать в Санта-Марте. Потому дом моих тетушек у них в чести был. Когда Гарсиа Маркес напечатал свои «Сто лет одиночества», тетушки так отреагировали: «Кто бы мог подумать, что внук Транкилины вырастет таким башковитым?» Да, так прямо и сказали.